

Л. А. Чарская

Газават

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Газават / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 148 с.

ISBN 978-5-4241-2025-1

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная ВОРОНОВА, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодотворной писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

ISBN 978-5-4241-2025-1

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
ГАЗАВАТ

30 лет борьбы горцев за свободу

Часть первая

ЗАЛОЖНИК

Глава I

Предсказание Фатимы

— Ля-иллях-илль-Алла! — звучит протяжно-заунывный призыв с высоты башни мусульманского храма.

— Ля-иллях-илль-Алла! — вторит ему эхо недоступных горных стремнин и глубокие темные бездны.

— Ля-иллях-илль-Алла! — снова выкрикивает высокий, бронзовый от загара старик в белой одежде, медленно поворачиваясь лицом к востоку и, помолчав немного, добавляет тем же певучим, гнусавым голосом:

— Магомет-рассуль-Алла!

Это мусульманский священник[— мулла, призывающий правоверных к обычной утренней молитве.

Солнце медленно и плавно поднялось над горизонтом и, брызнув целым потоком лучей, окрасило пурпуром и мечеть, и аул с его крошечными хижинами — саклями — в виде ласточкиных гнезд, прикрепленных к вершинам огромной недоступной скалы. Утро начиналось. Аул оживился.

Плоские кровли саклей стали покрываться молящимися. Один за другим спешили правоверные — как называют себя мусульмане — совершать утреннюю молитву — сабах-намаз. Быстро совершив обычное омовение, они расстилают небольшие коврики, так называемые намазники, и, примостившись на них, шепчут молитвы. Лица их повернуты к востоку — так как на востоке находится священный город Мекка, где родился и умер Магомет, святой пророк мусульман, основатель их веры. И, приступая к молитве, они повторяют те же слова, которыми мулла призывал прежде всего к намазу: «Ля-иллях-илль-Алла, Магомет-рассуль-Алла!» — «Нет Бога, кроме Единого Бога и Магомета — пророка его!» — слова, составляющие основу мусульманской религии.

Из внутреннего двора сакли или, вернее, нескольких саклей, соединенных между собою крытыми галереями, обнесенных каменной стеною и носивших громкое название сераля, то есть дворца, вышла небольшая толпа женщин. Некоторые из них укутаны чадрами или покрывалами, плотно охватывающими весь стан и голову и имеющими лишь маленькие отверстия для глаз. Это замужние: по закону Магомета они не имеют права открывать лица вне дома и при мужчинах. Рядом с ними, держась немного поодаль, следуют девушки, с открытыми лицами, с длинными черными косами, перевитыми золочеными и металлическими бляхами, в то время как у женщин даже волосы скрыты под чадрой.

Двое из женщин, шедших впереди, одеты наряднее остальных, и держатся они как-то особняком от толпы. Прочие, следуя за ними на почтительном расстоянии, несут на своих сильных плечах глиняные кувшины. Впереди женщин бегут два мальчика, одетые в длиннополые кафтаны, обшитые галунами и перетянутые поясами серебряной чеканки с чернью. За пояса заткнуты маленькие кинжалы. В блестящих, пришитых на груди патронниках заложены патроны. На бритых, по горскому обычаю, головах — мохнатые папахи из белого барана.

Один из мальчиков выше и стройнее. У него красивое, тонкое личико, прямой,

точеныи нос и черные глаза, сияющие искренностью и добротой. Другой — рыжеватый и плотный, с лицом, исполненным лукавства, далеко уступает первому в стройности и красоте лица и фигуры. И все-таки и черненький и рыжий мальчики похожи друг на друга как два родных брата. Они и есть братья, сыновья великого имама, вождя, первосвященника и полновластного повелителя горцев, от одного слова которого зависит жизнь тысяч преданных ему воинов. С мальчиками — жена и сестра имама — их мать и тетка и целая толпа караваш, то есть служанок.

Маленькое шествие не вышло на улицу, а боковым ходом, проложенным между пристройками, окружавшими дворец имама, стало спускаться по уступам к пропасти. Прыгая с утеса на утес и скользя по горным тропинкам, с чрезвычайной ловкостью минуя валуны и камни, они достигли наконец дна пропасти, где бешено металась, редела и стонала пенящаяся река Койсу.

Шедшие впереди женщины уселись над крутым отвесом реки и отбросили с лиц покрывала.

Одна из них, черноокая стройная красавица лет двадцати трех, с наслаждением вдыхала свежий горный воздух и с детски беспечной улыбкой смотрела на небо. Другая, тоже еще далеко не старая горянка, была бы не менее красива, нежели ее спутница, если бы не выражение глубокой печали, смешанной с озлоблением. Не искажало ее исхудалых черт. Первая из них — постарше — была жена имама и носила имя Патимат; вторая — ее золовка по имени Фатима — была женою Хасбулата бека, одного из старших начальников-наибов и приближенных имама.

Обитательницы двора имама не имеют права выходить на улицу и показываться на глаза народу, но сегодня они нарушили дворцовый обычай: зная, что их повелитель находится в храме джамии, на священном таинстве, они решили воспользоваться случайной свободой. Их служанки отошли в сторону, чтобы наполнить кувшины гремучею струею потока. Мальчики тоже занялись между собою, бросая мелкие камешки в Койсу и веселыми звонкими голосами будя угрюмую тишину.

Патимат, оставшись наедине с золовкой, по-прежнему мечтала, не отрываясь глазами от неба.

«Слава Аллаху, хорошо здесь! — думала она. — Правда, далеко не так хорошо, как в родимых Гимрах, а все-таки лучше и привольнее, нежели в духоте сераля... Гимры! Далекo они! Родные Гимры, дорогой аул, взятый и сожженный русскими, где она выросла и расцвела на воле, откуда шла замуж. Тут все так пусто и уныло; там все покрыто нежной растительностью... Там и чинары, и дубы, и каштаны растут в изобилии... А в мае цветут куполообразные миндальные деревья и раины, кроваво-красные цветы граната мелькают там и сям среди пушистой зелени ветвей; белые азалии и голубоватые очи горных цветов красиво ласкают глаз... Здесь, в этом мрачном Ахульго, ничего этого нет...»

Далеко уже не радостно взглянула она на повисшие отвесно над бездной скалы и, глядя на укрепленные бойницы башен, вдруг улыбулась лукаво и самодовольно.

«Зато здесь они в безопасности — и великий имам, и она, и дети! Сюда врагам-русским не пробраться. Недоступен для них Ахульго. Обо всем позаботились защитники-горцы. Одна Сурхаева башня, что на берегу Койсу, против старого

замка, способна навести страх. Пусть разгораятся у них очи, у проклятых гяуров¹ как у диких шакалов на добычу, а Ахульго не взять им, не взять!» И она рассмеялась по-детски заразительно и звонко. Потом вдруг сразу осеклась, неожиданно встретив на себе взгляд золовки, весь исполненный мрачного отчаяния и тоски.

Что-то больно кольнуло в самое сердце Патимат... «Ну можно ли радоваться и смеяться, когда рядом с нею такое беспредельное горе?»

В два прыжка она очутилась подле золовки и, обняв ее и заглядывая ей в глаза, залепетала ласково и сердечно:

— Фатима-джаным² бедная ласточка горных ущелий, не тоскуй! Я знаю, о чем ты горюешь... Судьба сына твоего Гамзата мучает тебя. Ты страдаешь потому, что его отдали русским в аманаты, в заложники. Они, как победители, потребовали, чтобы имам послал им своих близких родственников в обеспечение, что не будет воевать с ними больше. Что было делать? Пришлось согласиться — и отдать им вместе с другими твоего Гамзата... Но успокойся: и твой Гамзат, и племянник Кибит-Магомы в безопасности у гяуров. Ведь русский саиб,³ приехавший за ними, чтобы взять их в заложники, поклялся головою, что мальчики будут живы...

— Поклялся головою, говоришь ты! — прервала невестку с бешенством Фатима, и глаза ее вспыхнули, как у волчицы. — Разве ты не знаешь, что клятва гяура — пустой звон горного потока, а голова его, которою он поклялся, не значительнее головы глупого ишака.⁴ Нет, чует мое материнское сердце, что нет в живых моего Гамзата, света очей моих, моего азиса,⁵ и что черный Азраил⁶ вычеркнул его имя из книги жизни... Четыре года прошли со взятия русскими Тилетля, четыре года с той минуты, когда его отняли у меня, а душа моя все тоскует и плачет, как горная орлица по выпавшем из гнезда птенце...

— Успокойся, сестра моя Фатима-джаным! Придет время, разобьет наш великий имам полчища русских и выручит твоего Гамзата. Постой, вот придут они под Ахульго, шашками и кинжалами встретят их наши орлы; нечистой их кровью зальют они утесы и горы, и русский сардар,⁷ выкинув белый флаг, будет просить мира и тогда...

— Нет! Нет! — прервала ее глухим голосом Фатима и страшным блеском загорелись ее черные глаза. — Придут русские и возьмут Ахульго, как взяли Гимры, как взяли Тилетль и как, не далее двух недель, взяли Аргуань... Ведь и он казался недоступным, и вокруг него высились горы, и он также стоял на недосыгаемой вершине! Эти шайтаны⁸ урусы⁹ обладают силою льва и быстротою молнии... Они налетают как коршуны и побеждают наших горцев... И теперь они придут со своими железными пушками и...

— Кесь-кесь, дели!¹⁰ Темные джины бездны¹¹ смущают твою душу! — в ужасе прошептала обезумевшая от страха Патимат. — Горе омрачило твой рас-судок! Молчи, именем Аллаха заклинаю тебя!

Но Фатима уже не помнила себя; вся охваченная своим мрачным предчувствием, она стояла теперь, выпрямившись во весь свой стройный рост, и глаза ее горели диким пламенем.

— Придут урусы, — говорила она глухим голосом, не обращая ни малейшего внимания на страх невестки, — придут, и горы вздрогнут от основания до вершины... И сердце гордого имама обагрится кровью; он почует свое бессилие пред могучим врагом. Будет час, и он заплачет кровавыми слезами, когда из-под

крыла орла отторгнут его орленка!.. Гамзата отнял он у матери и отдал русским в заложники; придет время, когда одного из собственных его птенцов постигнет та же участь...

— Молчи! — с новым отчаянием и мукой вырвалось из груди Патимат. — Твой язык зловещ, как каркающая ворона, потому что сердце твое полно злости на имама за сына. Шайтан говорит твоими устами... Но сила шайтана ломается о непреклонную волю Аллаха! Мой Джемалэддин останется при мне. Я никому не отдам моего орленка!..

И с криком, исполненным любви, ярости и страха, молодая женщина кинулась к сыну.

Глава 2

Джемалэддин. Гяуры

— О мой азис! О мой белый розан из цветущих аварских ущелий! О золотое счастье моих очей! — лепечет вне себя от любви и гордости Патимат, обнимая своего мальчика.

Джемалэддин не ожидал ничего подобного. Он только что собрался запустить камешком в Койсу, как неожиданно попал в объятия матери. Ему и хорошо и стыдно у нее на груди. Хорошо — потому что он больше неба и гор, солнца и родины любит ее — свою красавицу-мать... Любит за ее нежность и доброту, любит за те чудные песни, которые она ему пела в дни детства, сидя над его колыбелью... Но стыдно ему прижаться к ней и сказать ей это. Ведь он будущий джигит,¹² абрек, а может быть, и кадий¹³ или даже имам — вождь народа, могучий и смелый, как его отец. Недаром же он проходит все нужные для этого премудрости, изучает в мечети все книги корана, заучивает все молитвы, старается вникнуть во все тайны веры. К науке его тянет больше, чем к битвам. Только он еще никому не говорит об этом... Узнают — засмеют... Цель горца — война... Какой же он будет джигит, если вместо кинжала и шашки возьмет в свои руки книгу? А может быть, на поприще ученого он также сумеет заслужить уважение своего народа к себе?.. То или другое — одинаково почетно среди горцев. Все равно! А вот что его, будущего воина или ученого, целует, как самого крошечного ребенка, женщина, мать — вот уж это харам.¹⁴ Еще, не приведи Аллах, увидит Кази-Магома и расскажет в ауле, и сыновья найбов, их кунаки¹⁵ подымут его на смех...

И он, стыдливо уклоняясь от ласки матери, говорит ей, напрасно стараясь сделать свой нежный голосок резким и твердым, как у взрослых:

— Ступай, мать, тетка Фатима скучает!

А у самого глазенки так и светятся лаской.

Патимат не обиженанисколько. О, она отлично понимает его: он будущий джигит, мужчина, не может же он быть пришитым к суконной поле ее бешмета! Она приласкала его, и довольно. Теперь на душе ее так же мирно, как в саду Аллаха. Он с нею, ее первенец, ее орленок, ее белый крикун! О, пусть себе каркает эта безумная Фатима, сколько ей угодно, она ничего не боится теперь. Аллах сохранит ей ее сына; она не отдаст его никому. Она до безумия любит его... Никого, никого, ни мужа, ни Кази-Магому, ее второго ребенка, она не может так любить и лелеять!.. Все ее сердце от края до края заполнил сплошь этот черноглазый мальчик с огненным взором и ласковой душой...

А черноглазый мальчик уже подле брата.

— Зачем подходила к тебе мать? — спрашивает его тот лукаво.

Хотя Кази-Магоме только шесть лет, но он понимает больше, чем следует ребенку. Заносчивый и хитрый, он лукав, как кошка, и труслив, как горный олень.

Но Джемалэддин и не слышит вопроса. Все его внимание привлечено любопытным зрелищем. На соседнем утесе бьется что-то круглое и мохнатое, испуская жалобные крики.

В три прыжка достигнуть утеса, вскарабкаться на него и узнать, что это такое, — для мальчиков дело одной минуты.

Кричащее, распростертое существо не что иное, как орленок, выпавший из гнезда...

Алая струйка крови вытекает из пораненного при падении крыла и струится по камням, оставляя кровавый след на утесе.

Оба мальчика быстро склонились над несчастной птицей и, затаив дыхание, смотрят на нее. И вдруг Кази-Магома, протянув руки, неожиданно схватывает за лапу орленка.

— Что ты хочешь делать? — недоумевая, спрашивает его Джемалэддин.

— Хочу играть в гура! — со смехом отвечает ему брат. — Пусть это будет раненый урус. — И с этими словами он, извернувшись, как кошка, припал к земле и, заглядывая в самые глаза орленку, стал медленно выворачивать ему когти, отрывая их и приговаривая каким-то свистящим голосом, прерывавшимся от волнения и дикой радости: — Яхши! Яхши! Это ты, который уничтожаешь наши пастбища и сады, сжигаешь наши посевы и аулы. Так вот же тебе! — И он с дьявольской жестокостью продолжал свою ужасную работу. Глаза его горели, грудь высоко вздымалась под тонким сукном бешмета. Папаха сдвинулась набок и обнажила круглую, как шар, бритую голову.

Несчастный орленок всеми силами старался вырваться из рук своего мучителя; он бился о камни и бессильно хлопал крыльями, еще не успевшими достаточно отрасти и окрепнуть, то испуская дикие крики, то жалобно пищал от боли. Все когти его были облиты кровью. Теперь Кази-Магома оставил их в покое, в достаточной мере изуродовав ноги птицы, и принялся выщипывать из ее крыльев перья, одно за другим.

Джемалэддин с глазами, полными слез, и с разрывающимся от жалости сердцем долго крепился. Он стыдился выказать чувствительность, неприличную горцу, вступившись за несчастную жертву, и в то же время душа его обливалась кровью при виде мучений орленка. Наконец, когда Кази-Магома, выхватив из-за пояса крошечную шашку, готовился выколоть птице ее круглые и странно вытаращенные на него глаза, Джемалэддин быстрее молнии выхватил из его рук орленка и далеко отбросил его на соседнюю скалу. Орленок, почувствовав себя на свободе, поспешил укрыться за выступом горы.

— Как смеешь ты... харамзада¹⁶ — начал было взбешенный Кази-Магома, со сжатыми кулаками подступая к брату, как вдруг отчаянные крики, внезапно раздавшиеся в стороне берега, заставили его сразу умолкнуть.

Со всех сторон к ним бежали женщины, вопя во весь голос:

— Гуры! Гуры!

Словно обезумевшая устремилась к детям Патимат и, быстро схватив обоих мальчиков за руки, стала спешно подниматься с ними по горной тропинке.

Вся толпа караваш, побросав кувшины, кинулась врассыпную за ними.

Одна только Фатима как была, так и осталась стоять на прежнем месте, прислонясь к громадному выступу утеса.

Она первая увидела черные точки, в изобилии покрывшие окрестные скалы и точно мухи облепившие их. Она знала, что это были за мухи. Такие же точки четыре года тому назад налетели тучею к Тилетлю и увели ее сына Гамзата за собою. Может быть, они уже убили его и пришли за новой жертвой... О проклятые, когда им будет конец?

Она медленно подняла свою смуглую руку и погрозила сжатым кулаком по направлению черных точек, облепивших скалы. Потом с мрачно горящим взором и застывшим в отчаянии лицом стала медленно подниматься по уступам в горы.

Глава 3

Первые мюриды

Правoverные! Жители Дагестана! Настал час, когда для истинного мусульманина, желающего достигнуть райских блаженств, обещанных нам пророком, мало одних молитв, соблюдения постов, исполнения обрядов и добрых поступков: мечом и огнем должны мы отстаивать завещанные нам истины. Правoverные! По учению пророка, мусульманин не может быть ничьим рабом, не должен никому подчиняться. Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство. И ради этой свободы и этого равенства мы обязаны бросить семейство, дом и не щадить самой жизни, как это начертано в нашей священной книге, коране!

Громко и грозно прозвучали слова эти в двадцатых годах XIX столетия на Кавказе, среди магометан горного Дагестана. Особая секта, возникшая среди горцев, в ауле Яраг, стала проповедовать необходимость огнем и мечом выступить в защиту основ учения Магомета — ислама от притеснителей. С кораном в руках, с возгласами о притеснении веры врагами ее они взывали к кровавым подвигам борьбы с христианами, появляясь в аулах и селениях мирных жителей и потрясая кинжалами, истуупленными голосами кричали: «Смерть неверным!»

К этим проповедникам примыкали многочисленные последователи, и вскоре в Дагестанских горах образовались грозные полчища стремящихся к войне и набегам горцев, называвших себя мюридами, то есть идущими по правильному пути.

Но прежде чем стать мюридом, желающий должен был постом, молитвою и благочестивою жизнью усовершенствовать себя и подготовить к новому положению, а сверх всего этого — ознакомиться с бесчисленными правилами особого учения, которое называлось «тарикат».

Мюриды считали себя не простыми воинами, но борцами за веру, которые прибегали к мечу для того, чтобы достигнуть в будущей жизни всевозможных благ, и утверждали, что не набеги на иноверцев, с целью захвата земли и богатств, составляют их цель, а защита и распространение ислама. Новое учение предписывало строгое соблюдение разнородных обрядов, частых молитв, омовений, соблюдения постов. Избранные из среды мюридов ученые наставники — мюршиды¹⁷ устанавливали, какие именно молитвы должен творить вновь посвященный мюрид, какие дела должен он совершать, чтобы достигнуть блаженства и очищения души, проповедуемых тарикатом.

Сначала число мюридов было весьма ограничено и примкнувшие к ним жители Дагестана и Чечни — наездники и горцы — носили более скромное название таулинцев, то есть просто горцев,¹⁸ которые только после известного испытания получали право считать себя мюридами.

Все свое внимание мюриды и их наставники мюришды направили против русских, успешных с 1800 года завоевать Закавказье, и решили во что бы то ни стало изгнать «неверных» из страны мусульман, какою они считали Дагестан и значительную часть Кавказа.

И многие тысячи горцев, частью добровольно, частью под давлением угроз, примкнули к новой секте и стали в ряды мюридов.

Началась длинная, многолетняя, упорная война русских с горцами. Русские всячески старались противостоять действиям мюридов. Они строили подле мирных аулов крепости, расставляли повсюду свои гарнизоны, сталкиваясь чуть не каждый день с горцами, мешавшими им своими набегами на каждом шагу. Но занятая в то время войною — сначала с Персией, а потом с Турцией, — Россия не могла принять действительных мер к уничтожению быстро развивающейся секты, тем более что борьба с отчаянными горцами среди неприступных скал Кавказа была упорная и трудная и требовала огромных жертв.

Между тем в селении Гимры появился среди мюридов проповедник, или газий, сумевший так воодушевить горцев своими речами и воззваниями, что они выбрали его имамом, то есть главным своим начальником, вождем и вместе с тем первым священником, главою всей секты, обещая во всем беспрекословно повиноваться его воле. Его звали Кази-Мулла.

— Мусульмане, — взывал он к своим единоверцам, — война, которую мы ведем, не простая война: это священная война за веру, и всех, кто прольет на ней свою кровь, поплатится жизнью, ожидают, по учению нашего пророка, райские блаженства в загробной жизни, а кто, как трус, откажется идти, с нами, того не минуют страшные мучения неугасающего адского пламени. Знайте это, мусульмане!.. Я, как имам ваш, как первый среди вас, как воин и слуга Аллаха, объявляю, что война, которую мы решили вести, — священная война — газават, и кто усомнится в этом, тот будет проклят на веки веков...

— Газават! Газават! — раздались иступленные голоса мюридов.

Собрав полчища горцев, даже из числа таких, которые изъязвили уже покорность России, Кази-Мулла двинулся к Таркам (близ Петровска), где находились русские, и взял не только Тарки, но и всю окружающую их местность. Этот успех имама заставил стекаться со всех сторон под его начальство многие, не примкнувшие раньше к мюридам племена горцев; таким образом, скоро у него образовалось огромное скопище в шесть тысяч пехоты и две тысячи конницы, с которым неутомимый Кази-Мулла подступил к русской крепости Бурной. Гарнизон крепости состоял только из 516 человек. И все-таки полчища горцев не могли сломить мужества осажденных. Несколько раз войска имама бросались на штурм, но принуждены были отступить. Скоро на выручку к русским подоспел отряд генерала Коханова, и Кази-Мулла ушел в горы. Те же неудачи постигли горцев и под крепостью Внезапной, и под Дербентом, после чего Кази-Мулла ушел проповедовать газават в Чечню. Потом с новыми силами он неожиданно появился под Кизляром, разграбил его, угнал около 170 человек пленными, а сам укрепился в Чумкестене. Однако Чумкестен был взят русскими войсками, мюриды перебиты.